

КАРЛ ГУСТАВ

ЮНГ

*ПСИХОЛОГИЯ
ВОСТОЧНОЙ РЕЛИГИИ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Карл Юнг

Психология восточной религии

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

Текст предоставлен издательством

<https://litres.ru/71018623>

Психология восточной религии: АСТ; Москва; 2024

ISBN 978-5-17-164663-9

Аннотация

Религиозная проблематика всегда была важной составляющей исследований Юнга. В настоящем сборнике представлены работы, в которых автор исследует психологические аспекты философии различных течений буддизма и индуизма, в том числе на основе тибетской «Книги Великого Освобождения», рассуждает о причинах популярности йоги на Западе, сравнивает понимание идей свободы и святости в восточной и западной традиции, рассматривает психологию восточной медитации.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Психологический комментарий к тибетской «Книге Великого освобождения»[1]	5
1. Различия между восточным и западным мышлением	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Карл Густав Юнг
Психология
восточной религии

C. G. Jung

**ZUR PSYCHOLOGIE WESTLICHER UND
OSTLICHER RELIGION**

(Collected Works, Volume 11)

© Rascher & Cie. AG, Zurich, 1963

© Foundation of the Works of C. G. Jung, Zurich, 2007

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Психологический комментарий к тибетской «Книге Великого освобождения»¹

1. Различия между восточным и западным мышлением

Доктор Эванс-Венц² доверил мне прокомментировать текст, который наглядно выражает восточную «психологию». Уже тот факт, что мне приходится прибегать к кавычкам, показывает, что употребление данного слова видится довольно спорным. Пожалуй, не будет преувеличением заявить, что Восток не создал ничего подобного нашей психологии, ограничившись одной только метафизикой. Критическая философия, мать современной психологии, осталась для Востока столь же чуждой, какой она была для средневековой Европы. Потому-то слово «ум» на Востоке имеет исключительно метафизическое значение. Наше западное

¹ Написано в 1939 г., опубликовано на английском языке в работе «Тибетская Книга Великого освобождения» под ред. У. Эванса-Венца (1954). На немецком впервые опубликовано в 1955 г.

² Американский антрополог, пионер изучения тибетского буддизма, первый публикатор «Тибетской Книги мертвых». —Примеч. пер.

понимание разума утратило это значение за столетия после Средних веков, и сегодня мы говорим уже о «психической функции». Конечно, мы не знаем – и не притворяемся, будто знаем, – что такое «психическое», но все же мы в состоянии внести ясность в представление об «уме». Мы не считаем ум метафизической субстанцией, не верим в связь индивидуального ума с гипотетическим Вселенским разумом. Потому наша психология является наукой, изучающей наблюдаемые феномены, без каких бы то ни было метафизических воззрений. За последние два столетия западная философия в своем развитии преуспела в том, чтобы выделить уму собственную область бытия и разорвать его первобытное единство со Вселенной. Сам человек перестал быть микрокосмом и подобием космоса, а его *anima* уже не воспринимается как единосущная *scintilla* (искра) мировой души – *Anima Mundi*.

Соответственно, психология трактует все метафизические положения и утверждения о духовных явлениях как высказывания об уме и его структуре, обусловленные в конечном счете некими бессознательными предрасположенностями. За этими высказываниями не признается абсолютная ценность, и вовсе не считается, будто они способны установить метафизическую истину. Мы не располагаем интеллектуальными средствами, которые позволили бы решить, правильна такая установка или ошибочна. Мы знаем лишь, что общезначимая достоверность любого метафизического

постулата, – скажем, о Вселенском разуме, – не доказана и недоказуема. Когда наш ум заверяет в подлинности существования Вселенского разума, он просто делает некое утверждение. Мы нисколько не допускаем, что этим утверждением и вправду доказывается существование Вселенского разума. На подобные рассуждения нечего возразить, но доказательств, что наш вывод безусловно верен, тоже нет. Иными словами, наш ум с тем же успехом может быть и воспринимаемым проявлением Вселенского разума, но мы не знаем – и даже вообразить не в силах, – так это или не так на самом деле. Психология справедливо полагает, что ум не в состоянии ни описать, ни объяснить ничего, кроме себя самого.

Мирясь с ограничениями нашего ума, мы тем самым проявляем здравомыслие. В какой-то степени, согласен, мы идем на жертву, расставаясь с миром чудес, в котором живут и действуют созданные умом предметы и существа. В таком первобытном мире даже неодушевленные объекты наделяются животворной, исцеляющей, магической силой, посредством которой они соучаствуют в нашей жизни, а мы соучаствуем в их жизни. Рано или поздно, но пришло понимание того, что их власть есть наша собственная власть, а их реальная значимость есть результат нашей проекции. Теория познания – это всего-навсего последний шаг из юности человечества, из мира, где сотворенные умом фигуры населяли метафизические небеса и метафизическую преисподнюю.

При всей правоте этой неотразимой теоретико-познавательной критики мы упорно продолжаем придерживаться убеждения, что некий орган веры открывает человеку способность познавать Бога. Так на Западе появилась новая болезнь – конфликт между наукой и религией. Критическая философия науки сделалась, так сказать, негативно-метафизической, иначе говоря, материалистической, исходя из ошибочного суждения: материю сочли осязаемой и воспринимаемой реальностью, тогда как она – всецело метафизическое понятие, гипостазируемое некритическими умами. Материя – это гипотеза. Рассуждая о материи, мы фактически создаем символ для чего-то неведомого, каковое с равным основанием можно именовать «духом» или чем-то еще, даже, быть может, Богом. Религиозная вера, со своей стороны, отказывается отречься от своего докритического мировоззрения. Вопреки призыву Христа, верующие пытаются оставаться детьми, вместо того чтобы стать как дети. Они цепляются за мир детства. Один известный современный теолог в своей автобиографии признается, что Иисус был ему добрым другом «с самого детства». Иисус – это убедительный пример человека, который проповедовал нечто, отличное от религии предков. *No imitatio Christi*, по-видимому, не подразумевает той духовной и умственной жертвы, которую пришлось Ему принести в начале своего пути и без которой Он никогда не стал бы Спасителем.

Конфликт между наукой и религией в действительности

обусловлен превратным пониманием обеих. Научный материализм лишь гипостазировал нечто новое, впав в интеллектуальный грех. Он дал высшему принципу реальности другое имя и поверил, что тем самым было создано нечто новое и разрушено нечто старое. Называя мы принцип бытия Богом, материей, энергией или как-нибудь еще, мы ведь ничего не создаем – только меняем символ. Материалист – это метафизик *malgre lui* (вопреки всему). Вера же, со своей стороны, по чисто сентиментальным причинам пытается сохранить первобытное состояние ума. Она держится за первобытное, детское отношение к созданным умом и гипостазированным образам, она намерена и далее наслаждаться ощущением защищенности и прочности в мире, надзор за которым осуществляют могущественные, ответственные и добрые родители. Вера может включать и *sacrificium intellectus*, интеллектуальную жертву (при условии, что есть чем жертвовать), но никогда не жертвует чувствами. Потому-то верующие остаются детьми, вместо того чтобы стать как дети, – они не обретают жизнь, поскольку ее не теряли. Кроме того, вера сталкивается здесь с наукой и отвергает возможность участия в духовных исканиях нашей эпохи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.